

Река несла лесины, в злобе швыряла их на прибрежные скалы, гулко сшибала друг с другом, беспокойными табунами загоняла их в заливы, водовороты и протоки. Подчиняясь ее прихотям, бревна то мчались вперегонки, то плыли не спеша, поблескивая на солнце своими голыми спинами. Вот еще один, бурлящий в узком месте перекат, стремительный напор – и горы останутся позади. Вырвавшись на свободу, река утихомирится, потечет устало, разольется по низинам и лугам. Но слишком стремительно рванулась река. Лесины заметались, как овцы, попавшие в загон, уперлись в обрывистые берега и подводные камни и замерли. Обузданная затором река волнуется, шумит, свирепо бьется об эту неожиданную преграду и не может сорвать ее. Но не только вода так упорно старается сорвать затор с переката. Ломая багры, проклиная одуревшую реку, на заторе орудуют сплавщики. Вцепившись баграми в зажатую лесину, тянут они свою незамысловатую песню, мерно раскачиваясь под напев: ...Еще разик, еще раз Де-о-рнем, по-де-о-орнем... А дерево не поддается, как будто впилося концами в беспорядочно нагромоздившийся лес. – Вот тебе и дернем-подернем, – высвободив багор, проворчал бригадир сплавщиков Андрей Никифорович Варакин, вытирая пот со лба жестким рукавом брезентовой куртки. В душе у него, как в реке, кипит и бушует. Андрей Никифорович, потрясая кулаком, сердито сказал: – Поем. Ревем. А лес ни с места! – С сердцем плюнув, он приказал набросить на бревно трос, повернулся к берегу, где стоял баркас с лебедкой, и крикнул: – Эй, лебедчик, уснул, что ли? Лебедчик, как и все сплавщики, не спал уже более суток, но спать и не думал. Обиженно буркнув что-то под нос, он включил лебедку. Баркас вздрогнул, от него побежали частые мелкие волны. Стальной трос, надетый петлей на дерево, начал медленно подниматься из воды и, внезапно спружинив, брызнул серебристым дождем. Лебедка остервенело зарычала, лебедчик болезненно сморщился и вдруг нырнул за дощатую стенку. По доскам, как выстрел, хлопнул конец оборвавшегося троса. Мотор заглох. Яснее послышались шум реки и ругань лебедчика. – Что стряслось? – Пропади все пропадом, зуб у шестерни выломило, и трос порвало. – Ты похуже тросишко не мог прихватить? – съязвил Андрей Никифорович и проворчал: – У себя бы зуб-то выломил, недотепа. Лебедчик не огрызнулся. Он уже наслышался всякой всячины. Трос он взял неплохой, да так лебедкой измочалил его, что он весь оцетинился, и вот порвался. Сплавщики, конечно, понимают, что лебедка и сам лебедчик ни в чем не виноваты, да надо же им на ком-то отвести душу. Вот и терпи, помалкивай. Лебедчик тяжело вздохнул, потер воспаленные от бессонницы глаза и принялся срывать трос. А Варакин в это время метался по затору. Он прощупывал багром в кипящих среди леса щелях, ложился на живот и, точно приняв себя, смотрел в глубину, не переставая ворчать: – И чему ты, старый дурень, научился за свою жизнь? Залома найти не можешь. А тоже, как путевого, бригадиром поставили... Тьфу, бестолочь. Исходив затор вдоль и поперек, он с силой воткнул багор в лесину. – Кажется, каких заторов не разгадывал на своем веку, а этот как заколдованный. – Он постоял в раздумье и крикнул сплавщикам: – Идите, ребята, обед варить, передохните немного. – А ты сам-то что, забыл про отдых? – отозвались сплавщики. – Сляжешь ведь. – Сам, сам... Не до отдыха мне, – отмахнулся бригадир и, зная, что без него не пойдут, с досадой прибавил: – Да ступайте, ступайте, я скоро приду. Сплавщики направились к берегу, а Варакин снова принялся за обследование затора, отыскивая в нем особый секрет. На стапеле в судоверфи построенную баржу удерживает всего несколько деревянных клиньев. Достаточно их убрать, как огромное сооружение неудержимо покатится на воду. Затор так же держат своего рода клинья, а иногда всего один. Где-то там, среди многих тысяч деревьев, есть те, которые сделали заломы. Эти деревья первыми уперлись в подводные камни, стали поперек течения. Потом еще и еще. Натолкало, напичкало течением лес на перекат – так и образовался затор. Андрей Никифорович умел по особым приметам или чутьем опытного сплавщика находить эти прихотливо упрятавшиеся "клинышки". А на этот раз и чутье не помогало. Иногда сплавщиков выручает в таких случаях подъем воды, но весенний паводок уже кончился. Лес может обсохнуть на перекате, далеко от города, и его придется вытаскивать по бревнышку. Поэтому-то Варакин и клал затор, на котором впервые получилась осечка. И в какую пору осечка! Лесопильный завод, для которого предназначена древесина, выполняет заказ строителей Сталинградской ГЭС. Бригада Варакина, выделенная на сплав древесины этому лесозаводу, взяла на себя большое обязательство: выполнить задание досрочно. – Ох-хо-хо, дела-а-а, – убито покачал головой Андрей Никифорович, оглядывая сгрудившийся лес. – Все шло хорошо, а у самого дома, в воротах, можно сказать, получай пилюлю. Он постоял еще некоторое время неподвижно и, тяжело вздохнув, направился к дымящемуся на берегу костру. Обычного веселья среди сплавщиков сегодня не было, шуток и прибауток не слышалось. Сплавщики угрюмо

молчали. Некоторые дремали. Только лебедчик хлопотал у костра. Он подбрасывал в огонь сухие дрова и, морщась от едкого дыма, помешивал в закопченном ведре ложкой. В кипящей воде металась пластики картошки и, словно гоняясь за ними, всплывали и ныряли хариусы с раскрытыми ртами. На багровищах и камнях вокруг огня сушились спецовки сплавщиков. От них валил пар. Все еще не успокоившись, вода ниже затора взъерошенными волнами облизывала берег, перекатывала и без того гладко отшлифованные гальки. По берегу степенно разгуливали голенастые кулички. Одинокие сосенки, схватившись цепкими корнями за утесы, гляделись в мутную воду. Пеннистыми островками плыли в реке отражения облаков. Обгоняя быструю воду и тени облаков, промчалась стайка уток. Тревожно крикнув, утки взметнулись над затором, рассыпались и, перелетев через него, снова начали медленно снижаться, собираясь в кучу. По-весеннему бурно и радостно кругом. Только река недружественно шумит. Примостившись на камне, Андрей Никифорович держал в руках брезентовые штаны, поворачивая их к огню то одной, то другой стороной. Вдруг он свирепо шлепнул себя по шее и пришиб сразу с десяток комаров. Лебедчик поднял ложку, замер на секунду и, прикрывшись рукой, прыснул. – Кумовья тоже мне нашлись, кр-р-ровососы, напевают тут, – буркнул Варакин. Кроме комаров, ему не на ком сорвать зло. Будь он в таком состоянии дома, так всему семейству бы досталось. Там известное дело: когда "сам" не в духе, то и мышь не ходи, и кошка не броди. А здесь поругать некого. В бригаде народ хоть и молодой, но как на подбор: работают крепко, и шутников, как они, поискать надо. Андрей Никифорович устало опустил на колени руки и замер, удрученно глядя на тлеющие угли. Невеселые думы лезли ему в голову: "Эх, работа! И когда я развяжусь с рекой да со сплавом... Ну, дай Бог спустить затор. Размахну я свое оружие – багор и – ей-ей – заброшу. Хватит. Набродился, натешился. На пенсию пора, да и сыновей с дочерьми почти дюжина – прокормят". Он не заметил, что высказал последние слова вслух и живо изобразил, как швырнет багор. Сплавщики не выдержали и захохотали. – А чего зубы моете? – прикрикнул на них смутившийся бригадир. – И заброшу. – Андрей Никифорович. – обратился к нему с улыбкой Лавря, – интересно узнать, сколько лет собираешься ты уходить со сплава? – А твое какое дело? Может, сто лет. Все равно уйду когда-то, лопнет мое терпение. – Когда-то, конечно, уйдешь, это без сомнения, но едва ли скоро, – усомнился Лавря. Сплавщики снова засмеялись. – Чего опять захихикали! – Ну и характер у тебя, Андрей Никифорович, – покачал головой Лавря. – Как жена с тобой жизнь прожила и не сбежала – удивляюсь. Андрей Никифорович глянул на него и со снисходительной усмешкой проговорил: – Чадушко ты, чадо, да ежели хочешь знать, у меня характера вовсе нет, бесхарактерный я человек. – Сказанул, – хмыкнул кто-то из сплавщиков, – знаем мы... – А чего вы знаете? – перебил Варакин. – Ничего не знаете. Вот насчет меня судачите. А что я? Ветер. Расходился, как сине море в рукомойнике, поругался, поплевался, тем дело и кончилось. Теперь вот на бережку посиживаем, портяночки посушиваем, а лесозавод без древесины скоро останется. Здорово трудимся! – Бригадир помолчал и, обведя глазами сидевших вокруг костра, строго спросил: – А чей заказ завод выполняет? – И, многозначительно подняв палец, ответил на свой вопрос с расстановкой: – Сталинградгидростроя. Заказ этот не шуточка! Если провалим его, так осрамимся, что нам в городе прохода не дадут, потому что не пристало уральцам перед сталинградцами срамиться. Понимать это надо. А у вас все хиханьки да хаханьки. – Да мы понимаем, не береди болячку. – Понимаем, понимаем, а лес на перекате торосами наставило. Лупить нас надо за такие дела! Вот что. – Зачем горячишься-то, Андрей Никифорович, – заговорили сплавщики. – Стихия ведь... – Загорячишься тут, – тихо отозвался Варакин. Он посидел молча, покряхтел тяжело, отмахнулся от ноющих комаров и другим тоном проговорил: – Эх, жалко, нет здесь моего друга Сергея Сергеича, он бы помог разгадать затор. Мастак на эти дела. – И совсем подобревшим голосом продолжал: – Вот уж, ребята, у кого характер так характер, – со всеми потихоньку, с шуточкой, в душу человеку залезет, а как сплавщицкое дело знает... – Варакин причмокнул и заключил: – Профессор! Сидевшие у костра тихонько засмеялись. Бригадир начал собираться: – Пойду еще посмотрю, пока обед доваривается, провалился бы он в тартарары, перекат этот, вместе с затором. – Э-э, зря ты, Андрей Никифорович, намаливаешь, и нам, и сталинградцам невыгодно, чтобы затор провалился, – посмеиваясь, сказал Лавря. – Все трезвонишь, негодник, – беззлобно проворчал Варакин. Лавря хорошо знал, что, после того как бригадир погорячится, он становится мягким, сговорчивым, и решил этим воспользоваться. – Слушай-ка, Андрей Никифорович, о каком ты "профессоре" упомянул сейчас? – Бывшего прораба нашего неужели не знаешь? – приподнял брови Варакин и любовно добавил: – Его тут по всей реке знают. Ревматизм он достал себе. Дома, в Архиповке, сейчас, горюн, тоскует, мазями натирается. А что они, мази-то? – Андрей Никифорович безнадежно махнул рукой. – Что проку в них? Человек с детства водою пропитался, а известно: мазь поверх воды держится. – Грустно помолчав, Варакин сказал: – Но узнай он, что у нас заминка, на животе бы

приполз... Душу за сплав положит. – Андрей Никифорович, говорят: ум хорош, два – лучше; что, если к Сергею Сергеичу на лодке, а? – хитро подмигнув, предложил Лавря. – Тут до Архиповки рукой подать, моментально сплавить можно. Андрей Никифорович отложил в сторону резиновые сапоги, которые собрался надеть, и с иронией спросил: – Ты это один придумал, или всей артелью? Лавря усмехнулся: – Один... – Ты понимаешь, что городишь, голова садовая? Человек обезножел на воде, а ты его обратно хочешь притянуть. А у него характер такой, что совсем уходится на заторе, пока не разгадает его. – Что это вы, Андрей Никифорович, все характер да характер, – поморщился лебедчик, снимая ведро с огня, – им нашу реку не возьмешь. Сюда надо электролебедку или трактор, а не характер. – Много ты понимаешь. Знаешь ли ты, любезный, что Сергей Сергеич этих заторов разобрал столько, сколько ты со своей беззубой лебедкой поштучно не вытащил бревен, да полжизни плоты водил по нашей реке и ни одного не посадил даже на "Магнитный". – Да ну?! – Вот тебе и ну. Пока уха приостынет, я тебе одну притчу расскажу насчет характера, а ты послушай, тогда и судить берись. – Варакин дряблыми от воды пальцами скрутил цыгарку, прикурил и, потирая колени ладонями, начал рассказывать: – Раньше лес по нашей реке сплавляли не модем, а плотами. А плотогонное дело, надо вам сказать, шибко рисковое и тяжелое. Работаешь, бывало, потесями до того, что на ладонях вместо кожи ключья. Ну, а местами покуриваешь, на природу посматриваешь. Несет. Если еще харчи подходящие, так совсем житуха. Вот и плывешь, бывало, где песенки попеваешь, а где бьешься до полусмерти. Так до тех пор, пока не принесет к камешку какому-нибудь, вроде "Магнитного", или к утесу. Тут дело короткое: или проскочишь, или... трах!.. И по бревнышку весь плот раскатает. Сам не утонешь, так заработок обязательно в воду канет. Тогда ведь купчишки платили за доставленный лес, а за тот, что разнесло, если есть из чего, так еще и вычитали. Ну, в общем, лежит около этого "камешка" мужицких косточек и котомочек несметное количество. Да-а... И вот однажды к нам на плот дали старшего, или, как его ноне называют, лоцмана. Посмотрели мы на него и разом решили: быть нам в нынешнем сезоне без штанов, побьет все плоты этот горе-командир. Сами посудите, лоцман – это же сила. В крутой момент он должен так рывкнуть, чтобы черти под рубахой забегали. А у этого голос тихонький, глаза, как у девки, голубые... Ну, заартачились наши мужики и к подрядчику: "Так, мол, и так, с этим старшим не поплывем. Он, мол, нас, если не утопит, то по миру обязательно пустит". А подрядчик сволочь был. Этак вот пепел ноготком с папиросы сбивает и говорит: "Что ж, не плывите, лодырничайте. Я другую артель на вашем плоту отправлю. Хватает у нас нынче вашего брата, голодранцев. Попухнете, – говорит, – с голодухи, так с кем угодно поплывете". Ну, что тут станешь делать? Поплыли. Ругаемся на чем свет стоит и лоцмана, конечно, кроем. А он ничего, помалкивает да поглядывает на нас. Стали подплывать к "Магнитному". Я, как сейчас помню, давай свои манатки собирать. Все равно уж, думаю, заранее с плота прыгать. Лоцман и говорит: "Напрасно вы, ребятки, тонуть собираетесь. Проплывем и ног не подмочим". Говорит это он, а вид у него такой, будто мы не к "Магнитному" приближаемся, а так себе, к коряжине какой-нибудь. Потатило нас на камень. Я за потесь держусь, думаю: "Ну, сейчас начнется комедия – закричит наш лоцман бабьим голосом: „Отбивайся влево, отбивайся вправо. Бей куда попало“. А потом фуражку сбросит, скажет: „Господи, благослови“, и сиганет с плота". А вода на камне чем ближе, шумит сильнее, камень выставил свой острый нос и дожидает. По-путнему пора уже отбиваться, но лоцман команды не подает, стоит и не бледнеет. Ну, думаю я, кончина подходит, и начинаю на всякий случай в уме с родней прощаться. Камень ближе, ближе. Пена от него ключьями летит, ревет, как зверь. Страхота. Не выдержал я, да как заору: "Чего ты, такой-сякой, рот раскрыл? Почему команды не даешь?" А он и ухом не ведет. И вот, у самого уж камня, руку, как артиллерист, поднимает. Мы потеси насухо держим. Приготовились. Вода кругом кипит, глаза я от страха закрыл. И вдруг слышу: "Бей!" Ударил я несколько раз и чувствую, вроде, плот меньше качает. Открыл глаза, а камень-то уж позади, от него вода двумя струями метет да наш плот подгоняет. Андрей Никифорович замолчал, обвел глазами слушателей и, усмехнувшись, спросил: – Про кого притча-то сказывалась, поняли? – Да как не понять. Действительно, характер... – То-то. Усталые сплавщики пообедали и прилегли, кто где сидел. Только Андрей Никифорович, подперев щеку ладонью, сидел задумчивый и усталый. Он беспокойным взглядом скользил по лесу, иногда брови у него приподнимались и глаза отыскивали хмурую скалу, нависшую над рекой. Сколько раз пробовал Андрей Никифорович расстаться с рекой. Возвращался со сплава, привычно забрасывал рукавицы на припечек, снимал спецовку и, точно свалив тяжесть, говорил: – Ну, мать, перехожу на твое иждивение. Топи печку жарче, теперь не слезу с нее. – А, закаивался козел в огороды бродить... Сколько лет эту песню слышу... Но весной, как только река очищалась ото льда, Андрей Никифорович терял покой. Начинал хитрить и уверял свое семейство в том, что ноги у него ныть, слава Богу, перестали и что одно лето он еще должен проработать,

так как с опытными кадрами в сплавконтре "труба". В доме поднимался шум. Все сыновья и дочери во главе с матерью устраивали, как выражался Андрей Никифорович, "домашний митинг". Митинговали до тех пор, пока Андрей Никифорович не прибежал к крайности. Он хмурился и гремел, как в прежние годы, грозно: "Яйца курицу не учат! Сам знаю, что мне делать!" Содом утихал. Хозяйка швыряла на пол жесткую спецовку Андрея Никифоровича: – На, бродяжничай! Когда ревматизм корезить тебя начнет, пеняй на себя. Воды стакан не подам и ребятам не велю. – Спасибо и на этом, – бубнил Андрей Никифорович и, виновато улыбаясь, добавлял: – Последний раз, мать, ей-богу, последний. Подучу вот молодняк, реку еще раз посмотрю, батюшку-покойничка навещу – и конец... И сейчас его усталое тело просило покоя, тянуло лечь прямо на камни и заснуть беспробудно. Но глаза беспокойно шарили по затору, прощупывали каждое бревно, а мысли бежали за ними вдогонку, помогали искать хитро упрятавшиеся заломы, водили бригадира за собой, не давая ему думать ни об отдыхе, ни о расчете, а только о лесе, о заводе, который выполнял почетный заказ. Забота глушила в Андрее Никифоровиче усталость, заставляла его руки тянуться за непросохшей спецовкой, толкала на затор. ...За поворотом реки забрякал по камням окованный шест. Сплавщики подняли головы, прислушались. Из-за мыса показалась лодка. В ней, равномерно отталкиваясь шестом, стоял человек в выдавшем виде плаще и в сморщенной кожаной фуражке. Андрей Никифорович присмотрелся из-под руки, сорвался с камня и побежал. Еще не поравнявшись с лодкой, он, улыбаясь, закричал: – Сергей Сергеичу мое почтение! Далеко ли путь держишь? – Дальше вас некуда, перегородили реку-то. Сергей Сергеевич приткнул лодку к берегу и приподнял фуражку в знак приветствия. – Гляжу, нет и нет лесу, ну и не усидел. Водичка вот-вот на убыль покатится, день-два – и момент упущен. Перед тем как плыть сюда, звонил я в управление завода. Сильно там обеспокоены задержкой леса. Директор завода с начальником сплавконторы сюда приплыть хотят. А в нашем поселке старики-пенсионеры загуртовались, завтра на помощь к тебе нагрянут. – Сергей Сергеевич помолчал и, окинув взглядом лес, запрудивший реку, спросил: – У тебя как ребята, передохнули? – Да чего спрашивать, видишь, уже одеваются. – Ну, тогда я прямо к затору проплыву, а вы собирайтесь и подходите. Варакин вернулся к костру и почувствовал, как защемило самолюбие. – Без начальства и без стариков как-нибудь обойдемся, – проворчал он, одеваясь. Долго ходили Варакин с Сергеем Сергеевичем в сопровождении сплавщиков по затору. – М-да, – говорил Сергей Сергеевич, пылливо оглядываясь вокруг, – затор, действительно, с секретом, – и, показав на каменный утес, напоминавший своей формой крутолобую бычью голову, спросил: – У быка пробовали разбирать? – Пробовали, – махнул рукой Андрей Никифорович, – да толку нет. – Мне все-таки кажется, что там собака зарыта. Струя бьет прямо в бык, видите, как вода бурлит возле него? В малую воду под быком обсыхает несколько каменных ступенек, а немного глубже еще камень лежит... Ну да не тебе, Никифорович, рассказывать про эту скалу. – Не забыл я это местечко и тоже предполагаю, что зацепка там, но, говорю тебе, пытался брать оттуда лес – ничего не вышло. – Попытка не пытка, давайте еще раз сходим, посмотрим да попробуем, – предложил Сергей Сергеевич. ...Около склонившегося над рекой утеса, покрытого ржавым налетом, лишайчатым мхом да чахленькими кустиками, лес сгрудился особенно плотно. Некоторые бревна, словно спасаясь от погони, метнулись вверх и замерли, уткнувшись торцами в лобастый утес. Андрей Никифорович показал на отверстие между лесинами. Вода в нем кружилась, образуя глубокую воронку, и по-змеиному шипела, сгоняя к центру пену, крошки коры, щепки. Сергей Сергеевич взял багор, опустился на колени и начал прощупывать им в воронке. Несколько раз ткнув во что-то, он чутко насторожился и совсем низко склонился над водой. – Стоп! Стоп! Рядом с камнем нашупывается бревно, – сказал он, не переставая действовать багром, – видимо, здесь главный залом. – Вытащив из воды багор, который успела облепить пена, Сергей Сергеевич задумчиво промолвил: – Да-а, допустим, что здесь. Но как оттуда бревно вытаскивать? Ему никто не ответил. Все молча смотрели на воронку с крутящимся в ней мусором. Вдруг Андрей Никифорович решительно сел и начал разуваться. – Попытаю счастья, – проговорил он торопливо, – не впервой купаться. – Брось, брось, Андрей Никифорович, года не те, простынешь, – запротестовал Сергей Сергеевич. – Да никакой черт не возьмет. – Не мудри, Андрей Никифорович. Что это ты в такую дырку сам суешься. Помоложе тебя есть, – невольно заговорили сплавщики. Вперед выступил Лавря. – Разрешите мне. – Утонешь, а потом за тебя отвечай, – буркнул Варакин. – Нет уж, лучше я сам, вам здоровье-то вперед пригодится... – Кто? Я утону? – загорячился Лавря, – я что, – в морской клуб хожу в бирюльки играть? Если хочешь знать, пластырь на пробоину в корабле под водой наложить могу. Варакин почесал щетинистый подбородок, поглядел на Лаврю из-под лохматых бровей и, показывая снятым сапогом на воронку, сказал: – Слушай, ты, моряк, брюхо в ракушках, плохо тебе будет, если не умеешь как следует под водой держаться. Не обманывай, гляди. – Была нужда обманывать. Что я

Астафьев Виктор До будущей весны astafevvictor.ru

улыбаясь, начал загибать свои узловатые пальцы по одному: – Отдыхать пойду, когда закончим великие стройки, да поджигателей утихомирим, да... – Он перестал улыбаться и серьезно добавил: – Блажь это моя о расчете-то говорит, а вот увижу, как двинется лесок-то милай, – тут Андрей Никифорович стукнул себя кулаком в грудь, – такое делается, гору еще своротить могу. – Он вскинул па плечо короткий багор, молодецки сдвинул на затылок шапку, не знающую сезонов, и цепкой сплавщицкой походкой поспешил вслед за плывущим лесом. На ходу он отдавал приказания и попутно ругал кого-то. Возле мыса Андрей Никифорович оглянулся, посмотрел на противоположный берег, где около угрюмого утеса бойко суетились плывущие лесины, отыскал глазами чуть заметные буквы на выщербленном ветрами и дождями граните и сказал: – До будущей весны... батя... И снова, как много лет назад, он увидел стремительно летящий по реке плот, а на нем непоколебимо спокойного отца своего, Никифора Варакина, который стоит на середине плота и громко командует: – Вправо! Вправо! Крепко бей! Крепко бей! Пррра-аворней! Андрюшка смотрит на быстро приближающуюся скалу, и сердце у него замирает. Широко раскрыты глаза у худых, оборванных мужиков, которые поднимают и опускают тяжелые потеси. Так и остались они навсегда в памяти у Андрюшки – в дырявых лаптях, с жидкими бороденками, не имевшие времени даже для того, чтобы перекреститься перед смертью. У них не хватило силы одолеть бешеное течение. Потеси начали редко и вяло падать в воду, что-то беспомощное, обреченное появилось на лицах мужиков, а скала летела и летела навстречу, хмурая, равнодушная. – Ы-ы-х, лапотошники, ходили бы за сохой... Леший на сплав тащит... – выругался Никифор и, не переставая командовать, сам схватился за поносный. Дальнейшее Андрюшка помнит как страшный сон. Плот стукнуло о скалу, он встал на ребро, заскрипел и с грохотом рассыпался... Дикае крики понеслись над рекой и тут же оборвались. Кругом Андрюшки желтоватая вода и звон в ушах. Андрюшку кругит, швыряет куда-то, и вдруг он снова видит небо, глотает воздух. Видно, счастливый был мальчишка. Прямо в него ткнулось бревно. Андрюшка судорожно ухватился за него и замолотил ногами по воде. На берегу он нашел своего отца. Река, много лет гонявшаяся за этим ловким и смелым лоцманом, наконец, скараулила его, скомкала, изломала и выплнула на берег. Он лежит у самой воды в мокрых, окровавленных лохмотьях и, устремив в небо обезумевшие от боли глаза, просит: – Братцы, добейте! Братцы, ради Христа... – Но на берегу один Андрюшка. Он трясется от холода и сграха: – Тятя, тятенька, не надо, не умирай... Страшно... Много лет спустя уральский партизан Андрей Варакин, гонявший по горам колчаковские банды, привязался веревкой за сосну, которая до сих пор стоит на скале, все такая же приземистая и кривая, спустился над водой и выбил на скале надпись. И стоит скала, как памятник лихому лоцману и многим, многим безымянным мужикам, чьи слезы, пот и кровь текли по этой реке. Андрей Никифорович долго шел молча. Попытался свернуть цыгарку, но табак рассыпался из бумажки, свернутой лодочкой: дрожали пальцы. На баркасе было тесно, но сплавщики нашли место для Андрея Никифоровича. Когда баркас поплыл, натываясь на бревна, сплавщики запели любимую песню: Есть на Волге уте-ес... – Андрей Никифорович, подтягивай! – улыбаясь, крикнул Лавря. – С вашим братом не затоскуешь, – отозвался Варакин и хрипловатым, но все еще сильным голосом подхватил: И стоит сотни лет... Песня понеслась над рекой, а на горизонте, затушевывая зарю, расплылась кудрявая тучка черного дыма. Это дымил завод, на котором заботливые советские люди спешили выполнить заказ великой стройки. 1952

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!